

ПАМЯТИ С. А. СОРИНА

22 НОЯБРЯ исполнилось четыре года со дня смерти знаменитого русского художника, уже много лет проживавшего в Америке. Он умер в Нью-Йорке, семидесятичетырех лет от роду.

Сорин родился в Полоцке, где отец его был портным. Мальчик горячо любил свою мать, преданную семье русскую женщину из секты молокан (он мне показывал в Париже ее фотографию), но с отцом никак не ладил. В четырнадцать лет он буквально бежал из дому, нуждался, жил продажей газет, попутно прочитывая их; так хотелось "все знать". Сам себя определил в гимназию... и окончил ее. Словом, мальчик был шустрым и с большой волей.

Стал рисовать. Понял, что может, и должен стать художником. Влестьяне выдержал выпускной экзамен в одесском художественном училище. Теперь ему открыт путь в Петербург. Там, в Академии Художеств, он становится учеником самого чтимого русского художника, И. Е. Репина.

Время шло. Приближался конкурс на "заграничную поездку" (соответствующую парижскому "Prix de Rome"). Сорин представил на конкурс портрет великой итальянской артистки Элеоноры Дузе, с которой познакомился в период ее гастролей в Петербурге, и которая согласилась позировать молодому художнику, в талант которого верила и красивая внешность которого ей напоминала юнойшей ее родины.

За эту свою конкурсную работу Сорин получил золотую медаль. Кроме того, ему полагалась трехлетняя заграничная поездка. Однако, в Комитете Академии Художеств нашлись лица, которые ему эту поездку дать не хотели. Их "причины" ничего общего с искусством не имели. Но тут в дело вмешалась председательница Академии Художеств: великая княгиня Мария Павловна. Несправедливость глубоко возмутила ее. По ее личному приказу, молодой художник получил стипендию на за-

(К ЧЕТВЕРТОЙ ГОДОВЩИНЕ СМЕРТИ)

граничную поездку, которую заслужил.

По возвращении из заграничьи в Петербург, он примкнул к "Миру Искусства". Когда начался большевизм, он выбрался в Крым. Там он написал два портрета, как бы полужившие начало его новому творчеству, принесшему ему большую известность: то были портреты княгини Дадияни и г-жи Тищенко. Благодарство их линий, нежность их колорита кажется никем еще не достигнута.

В его парижском ателье (он поселился в Париже в 1919 г., здесь зародилась его мировая слава) я присутствовала при его работе, когда он заканчивал начатый в Лондоне портрет князя Оболенского: почти юношеская фигура, прекрасное молодое русское лицо, на фоне русского пейзажа. Для меня это была белая радость, создававшая какое-то приподнятое настроение: быть свидетельницей творчества талантливого художника.

В богатой коллекции работ Сорина выделяются, кроме уже названных, но меньшей мере еще три женских портрета:

Портрет Анны Павловой, замечательно передающий не только ее внешность, но и дух ее: весь образ овеян какой-то ей присущей бестелесностью. Кстати, этим портретом прельстился... гитлеровский фельдмаршал Геринг и увез его в Германию наряду с другими шедеврами. Впоследствии "Павлова" была возвращена Франции, и ее можно было видеть некоторое время в Библиотеке Парижской Оперы, на выставке, отмстившей двадцатипятилетие со смерти великой танцовщицы.

Очень трогательно передан образ кино-артистки Н. И. Кованько: сидит на диване, точно заплаканная, подбрав ноги.

"Русская крестьянка", для которой позировала А. А. Кашина-Евреинова, слова знаменитого режиссера, имеет целую историю.

Писал ее Сорин собственно для Третьяковской Галереи. В то время (1925 г.) советская власть загнывала ее знаменитыми художниками-эмигрантами. Не в сила возможности заманить их обратно, она поручила Игорю Грабарю, тогдашнему директору Третьяковской Галереи, купить хотя бы их произведения. Вель тог-

да в Париже жили Яковлев, Григорьев, Шухаев, Сорин... У последнего ничего подходящего не было, когда к нему обратился Грабарь. — Ничего, — сказал советский представитель искусства, — я теперь уезжаю, но вернусь через несколько месяцев. Вы к тому времени подготовьте какой-нибудь русский сюжет.

Вот Сорин и написал "русскую крестьянку", но тем временем советская политика приняла другое направление. Грабарь к нему больше не явился — и художник увез "крестьянку" в Нью-Йорк, где была устроена его очередная выставка.

На эту выставку пришел один американец. Жена его, русская по происхождению, была прикована к креслу хронической болезнью. Он хотел преподнести ей картину знаменитого русского художника и выбрал портрет Кованько. Но когда он принес его домой, жена затосковала: — Я, мол, больная, лишённая возможности двигаться... Я хочу иметь перед глазами картину, которая меня бы радовала. А эта — такая грустная! — Муж вернулся на выставку и обменял "Кованьку" на "русскую крестьянку", которая, кстати сказать, стоила вдвое дороже, но от которой веяло свежестью и здоровьем. Зато жена его просияла: — Как хорошо! Вот на эту картину я могу радоваться. И к тому же — русский сюжет. "Имеют свою судьбу картины" (не только книги)...

Сорин ездил писать портреты в разные европейские столицы. В Лондоне он писал членов королевского дома. В Париже он, между прочим, участвовал в Салоне Тюильри. На одной из этих выставок я была. Перед его портретами то и дело собирались элегантные дамы, испуская восторженные возгласы. Но и мужичины останавливались перед ними и отмечали его замечательное владение рисунком и его неизбываемый, такой нежный колорит. (Он увес в могилу свой "секрет": никто не знает, из чего, собственно, состояла та "смесь", которого он сам делал и про которую очень неохотно говорил "у меня своя краска"... таким тоном, точно стабил точку).

Смерть помешала Савелию Сорину осуществить свою заветную мечту: написать большое полотно с изображением Иисуса Христа.

Р. И. 11139
28. 11. 52

Нора Лидарцева